

АЛЕКСАНДР ГРИН

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Людмила Варламова

Александр Грин

«Фолио»

2014

Варламова Л. М.

Александр Грин / Л. М. Варламова — «Фолио», 2014

Русского писателя Александра Грина (1880–1932) называют «рыцарем мечты». О том, что в человеке живет неистребимая потребность в мечте и воплощении этой мечты повествуют его лучшие произведения – «Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Блистающий мир». Александр Гриневский (это настоящая фамилия писателя) долго искал себя: был матросом на пароходе, лесорубом, золотоискателем, театральным переписчиком, служил в армии, занимался революционной деятельностью. Был сослан, но бежал и, возвратившись в Петербург под чужим именем, занялся литературной деятельностью. Он начал печататься в 1906 г. и опубликовал около 400 произведений. Утонченный психологизм и высокая интеллектуальность, тончайший лиризм и мягкий юмор, пронзительная грусть и предельный накал страстей – все это мы находим на страницах гриновских книг. Возможно, поэтому читатели снова и снова возвращаются к творчеству Грина даже в наш столь прагматичный XXI век.

© Варламова Л. М., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Людмила Варламова Александр Грин

ОТ АВТОРА

«Потому ли, что первая прочитанная мной, еще пятилетним мальчиком, книга была «Путешествие Гулливера в страну лилипутов» – детское издание Сытина с раскрашенными картинками, или стремление в далекие страны было врожденным, – но только я начал мечтать о жизни приключений с восьми лет»¹ – так начинается «Автобиографическую повесть» Александр Грин.

И далее на протяжении многих страниц рассказывает, как зародилась эта жажда приключений в душе юного мечтателя из Вятки, как захотелось ему на простор синих морей, как упорен он был в своем желании и какие испытания выпали на его долю...

Шестнадцатилетним юношей он отправился покорять сверкающее сияние океана. Ему удалось совершить только три морских плавания, но этих впечатлений хватило, чтобы стать непревзойденным певцом моря и морских странствий. Он расцвел реальными событиями своим воображением и подарил нам незабываемые образы матросов, капитанов и прекрасных парусных кораблей... Его перу покорились и тайны Вселенной и сокровенные тайны души человеческой.

Чем же близок нам сегодня этот писатель, начавший творить в самом начале ушедшего уже XX века? Что созвучное нашему бурному и стремительному времени содержится в его книгах? Почему мы вновь и вновь раскрываем томики со знакомым именем на обложке и погружаемся в феерический мир гриновских фантазий, как будто хранятся в них ответы на жгучие вопросы современности?

Здесь не может быть однозначного ответа. К Грину приходят по-разному. Одни открывают его для себя в ранней юности. Другие, напротив, постигают мудрость его поэтической прозы лишь в зрелые годы. А бывает так, что верность Грину сохраняется на всю жизнь.

Утонченный психологизм и высокая интеллектуальность, тончайший лиризм и мягкий юмор, пронзительная грусть и предельный накал страстей – все это присутствует на страницах гриновских книг, удовлетворяя самые разнообразные и взыскательные вкусы.

Просмоленных канатов запах
И очертанье бригантин...
В каютах – не музейных залах,
Живешь ты, Александр Грин,

В зачитанной знакомой книжке,
Где капитаны и моря,
В зрачках расширенных мальчишки,
Смотрящего на якоря,

В искателях неутомимых,
Идущих курсом фордевинд,
Мечтой прекрасною томимых,
Живешь ты, Александр Грин!²

Глава I

Мир детства – книжный и реальный

Жизнь писателя и его творчество... Взаимосвязь этих понятий несомненна как неразрывное единство исписанной страницы и прожитого, перечувствованного писателем дня. Только через призму реальных фактов биографии можно постичь глубину авторской мысли, причудливую вязь его ассоциаций, символику его образов.

Грин – человек закрытого типа: он не собирал скрупулезно архивов и мало говорил о себе, оправдываясь тем, что все рассказал в своих книгах. И все же, признавая за художником его безусловное право – хранить в тайне внутреннюю душевную жизнь, мы стремимся заглянуть в Зазеркалье, чтобы в блистательных образах гриновской фантазии найти отражение его земного бытия.

Писатель Александр Грин, выступивший в литературе апологетом морской романтики, родился от моря очень далеко.

Его отец, польский дворянин Стефан Гринеvский, будучи гимназистом 6-го класса Витебской губернской гимназии, вместе с отцом Евзебием Гринеvским, дедом писателя, участвовал в Польском восстании 1863 года, направленном против самодержавия. Во время столкновений Евзебий Гринеvский был убит, а Стефана арестовали «по делу об учениках Витебской гимназии, покушавшихся сформировать мятежную шайку» и выслали в Сибирь, лишив «личных прав» и родового имения Якубёнки, которое располагалось на территории современной Беларуси.

Через несколько лет Гринеvскому было разрешено переехать в Вятскую губернию, куда Стефан прибыл в 1868 году. Он жил случайными заработками, брался за любую работу, а когда получил разрешение состоять на государственной и общественной службе, поступил письмоводителем губернской земской больницы в Вятке, где прослужил 35 лет.

В 1872 году, в возрасте двадцати девяти лет, Стефан обвенчался с Анной Лепковой, дочерью отставного коллежского секретаря Стефана Федоровича Лепкова, русской по национальности. Анне на тот момент исполнилось только пятнадцать лет. Ее отца в живых уже не было, и для юной девушки из небогатой семьи это была, видимо, неплохая партия.

Жила молодая чета ласково и дружно, но детей долго не было. Родившийся спустя семь лет мальчик умер через несколько месяцев. Гринеvские воспитывали приемную дочь Наташу, найденную на паперти, и не теряли надежды на появление собственного ребенка.

Долгожданное событие свершилось в небольшом городке Слободском Вятской губернии, где некоторое время на пивоваренном заводе служил Стефан Гринеvский. 23 (11) августа 1880 года родился сын Александр, вошедший впоследствии в мировую литературу под псевдонимом Грин.

Весной 1881 года отец вновь получил место в губернской земской больнице, и семья переехала из Слободского в Вятку (ныне Киров). Переезд происходил на лошадях, когда еще повсюду лежал снег. С этим событием связаны первые жизненные впечатления, сохранившиеся в душе будущего писателя: темное высокое небо, сплошь усыпанное ярко мерцающими звездами, скрип снега под полозьями, чувство великого безмолвия – непередаваемые красоты северной вятской природы.

Вятка тех лет – это небольшой губернский город, значительно удаленный от столиц. Но вместе с тем это город славных культурных традиций, где был свой театр, большая публичная библиотека, множество училищ... Антонина Степановна Лапина, сестра Грина, рассказывала: «Я помню Вятку и не забуду никогда Александровский сад на высоком берегу, и музыку по

праздникам, и собор, и соборную площадь, и парады на площади в царские дни, как это было красиво! Вятка моего детства и юности была чудесная!»³

Все это имело немаловажное значение для формирования духовного облика Грина. Когда не хватало живых впечатлений, он черпал их в книгах. Читал, по его собственному выражению, «бессистемно, безудержно, запоем». Уже в пятилетнем возрасте стал складывать буквы в слова.

Девяти лет Саша был отдан в Вятское реальное училище, где учился с 1889-го по 1892 год. Учился он неровно, хотя по развитию был значительно выше своих сверстников, и часто его ответ на вопрос учителя звучал, «как энциклопедия». Примерным поведением не отличался, и в классных журналах сохранилось немало записей с описанием его проступков: «бегал по коридорам», «читал постороннюю книгу», «пускал бумажных галок»...

А вскоре Александр был исключен из училища. Как он иронично объясняет это в «Автобиографической повести», «меня погубили сочинительство и донос».

Грин рано проявил способности к творчеству. Его сочинения отличались оригинальностью, свежестью, хотя и редко удостаивались высокой оценки. Чаще отзыв был таким: «Написано отлично, но не на тему». Он пробовал писать стихи, посылал их в журналы, но ответа не получал. Однажды сочинил насмешливое стихотворение о своих классных наставниках в подражание пушкинскому стихотворению «Собрание насекомых»:

«Инспектор, жирный муравей,
Гордится толщиной своей
.....
Капустин, тощая козьявка,
Засохшая былинка, травка,
Которую могу я смять,
Но не желаю рук марать.
.....
Вот немец, рыжая оса,
Конечно – перец, колбаса...
.....
Вот Решетов, могильщик-жук...
.....

Упомянуты, в более или менее обидной форме, были все, за исключением директора: директора я поберег»⁴.

Об этом стало известно преподавателям, и гром не замедлил грянуть: последовало исключение.

Страшась гнева родителей, Саша Гриневский решил «бежать в Америку», но, отсидевшись в городском саду, к вечеру вернулся домой. «Как ни подговаривал я раньше кое-кого из учеников бежать в Америку, как ни разрушал воображением всякие трудности этого «простого» дела, – теперь смутно почувствовал я истину жизни: необходимость знаний и силы, которых у меня не было»⁵.

Отец пытался уговорить школьное начальство принять сына снова, но оно было неумолимо. И тогда осенью того же 1892 года он устроил Александра в Вятское городское училище. Оно принадлежало к разряду низших мужских общеобразовательных учебных заведений, языков там не преподавали. После его окончания юноши могли поступить в средние специальные учебные заведения или стать мелкими служащими в канцеляриях, банках, почтово-телеграфных конторах.

Пребывание в городском училище не оказало сколько-нибудь заметного влияния на формирование характера будущего писателя. Его любимыми занятиями продолжали оставаться одинокие игры, охота, чтение.

В восемь лет Саша открыл для себя Пушкина. Много лет спустя, став уже известным писателем, он написал статью со странным на первый взгляд названием «Воспоминания о Пушкине», где есть такие строки: «Я знаю его всю жизнь».

В двенадцать лет Грин знал русскую классику «до Решетникова включительно», увлекался зарубежной приключенческой литературой. Особенно любил книги Жюль Верна, Фенимора Купера, Густава Эмара, Эдгара По.

«Прочитанное в книгах, – вспоминал писатель впоследствии, – будь то самый дешевый вымысел, всегда было для меня томительно желанной действительностью»⁶.

Книги помогали забыть о жестокой обстановке училища, трудном положении в семье. Мать умерла рано – тридцати семи лет, когда Саша был еще подростком. Кроме него осталось трое детей: Антонина, Екатерина и совсем маленький Борис.

Отец женился вторично на вдове почтового чиновника, но отношения у старшего сына с мачехой не сложились. По существу, Саша был предоставлен самому себе.

«К тому времени, – рассказывал Грин, – у меня начал складываться идеал одинокой жизни в лесу – жизни охотника. <...> Я любил шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы, выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить»⁷.

Вскоре родилось желание стать моряком, благодаря чему Грин надеялся удовлетворить свою жажду путешествий.

В 15 лет на пристани реки Вятка увидел Александр двух юношей в белой матросской форме – учеников штурманских классов. Впечатление было необычайной силы: «Я остановился, смотрел как зачарованный на гостей из таинственного для меня, прекрасного мира. Я не завидовал. Я испытывал восхищение и тоску»⁸.

Эта встреча решила судьбу. Через год, получив аттестат об окончании городского училища, 23 июня 1896 года шестнадцатилетний Саша Гринеvский покидает родной дом, стремясь «проникнуть за золотые ворота моря»⁹.

В соломенной шляпе и высоких охотничьих сапогах, с ивовой корзиной в руках, где под сменой белья лежали краски, которыми юный искатель приключений собирался рисовать где-нибудь в Индии, на берегах Ганга, он поднялся на борт парохода, чтобы начать свой путь в Одессу.

«Я долго видел на пристани, в толпе, растерянное седобородое лицо отца, видел, как он шурился против солнца, стараясь не потерять меня из виду среди паровой толпы.

Я тоже стоял и смотрел, махая платком, пока пароход не обогнул береговой выступ. Тогда я, с сжавшимся сердцем, пошел вниз.

Был я и смятен и ликовал. Грезилось мне море, покрытое парусами...»¹⁰

Глава II

Странствия морские и сухопутные

Дорога в Одессу – первое дальнее путешествие Александра Гриневского. Он наслаждался уже тем, что едет, жадно впитывая картины открывшейся перед ним настоящей большой жизни.

Впечатления переполняли: это и плавание пароходом до Казани, это и поездка по железной дороге, во время которой он впервые увидел паровоз: «Когда извозчик подъезжал к вокзалу, я увидел низко над землей два огненных глаза, силуэт трубы, услышал пыхтение, стук и догадался, что это есть тот самый паровоз, о котором я до сих пор лишь слышал и читал в книгах. Паровоз показался мне маленьким, невзрачным, я представлял его с колокольно высотой»¹¹.

На пути лежали Москва, Киев, крупные вокзалы и маленькие полустанки... Было множество встреч, множество волнений, но не было сомнения в стремлении стать моряком! Впоследствии Грин писал: «С 6 рублями в кармане, с малым числом вещей, не умея ни служить, ни работать, узкогрудый, слабосильный, не знающий ни людей, ни жизни, я нимало не тревожился, что будет со мною. Я был уверен, что сразу поступлю матросом на пароход и отправлюсь в кругосветное путешествие»¹².

И вот наконец Одесса... Шумный веселый южный город был великолепен, он удивлял, ошеломлял! Строки «Автобиографической повести» замечательно передают трепет юного сердца: «Уже потрясенный, взволнованный зрелищем большого портового города, его ослепительно-знойными улицами, обсаженными акациями, я торопливо собрался идти – увидеть наконец море... Я вышел на Театральную площадь, обогнул театр и, пораженный, остановился: внизу слева и справа гудел полуденный порт. Дым, паруса, корабли, поезда, пароходы, мачты, синий рейд – все было там...»¹³

Для поступления в мореходные классы требовался опыт морской службы, но все попытки Александра устроиться на какое-либо судно встречали лишь насмешки... Деньги, данные отцом в дорогу, быстро закончились. Несколько месяцев Александр жил впроголодь, перебиваясь случайными заработками, но не мог расстаться с мечтой о морской службе.

И мечта побеждает! В конце августа Гриневский поступил юнгой на пароход «Платон» и отправился в каботажное плавание вдоль берегов Крыма и Кавказа. Пароход заходил почти во все портовые города побережья. Тогда он впервые побывал в Феодосии, Севастополе и Ялте, которая особенно поразила его воображение: «Весь береговой пейзаж Кавказа и Крыма дал мне сильнейшие впечатления по рассыпанным блистательным созвездиям – огни Ялты запомнились больше всего. Огни порта сливались с огнями невидимого города. Пароход приближался к молу при ясных звуках оркестра в саду. Пролетел запах цветов, теплые порывы ветра; слышались далеко голоса и смех»¹⁴.

Матросская наука давалась нелегко (впоследствии Грин опишет ее подробно и ярко в «Алых парусах»), но он не разочаровался, так как был погружен в свое собственное представление о морской жизни. Море по-прежнему привлекало Александра. Однако вскоре он был ссажен на берег за неуплату очередного взноса за обучение.

Вновь поиски работы, жизнь впроголодь – и первое плавание на парусном судне. Небольшая шхуна-дубок, на которой Александр в декабре 1896 года отправился из Одессы в Херсон, была тихоходна и неуклюжа. Хозяин жестоко эксплуатировал подростка: ему приходилось выполнять обязанности матроса, повара, грузчика. Но он воспринимал ситуацию иначе и позднее вспоминал, что «дубок» был для него не дубок, а чилийская или австралийская шхуна.

Ему казалось, что грузит он не тяжеленную черепицу, а слитки золота, и об одном лишь жалел, что не было на судне пистолетов и абордажных крючьев...

Романтик, мечтатель, он уже тогда преображал реальную жизнь в соответствии со своим идеалом...

Было в биографии Грина и одно заграничное плавание. Весной 1897 года он устроился матросом на пароход «Цесаревич», который направлялся в Африку. Судно заходило в Стамбул, Смирну, а также Александрию. Это был единственный заграничный порт, где Гриневскому довелось сойти на берег. Там увидел он пыльные широкие улицы, колодцы, пальмы, канаву с мутной водой... Посидев около нее, юноша возвратился на пароход и рассказал товарищам романтическую историю о том, что будто в него стрелял бедуин, но промахнулся, а красавица арабка подарила розу...

На обратном пути из Александрии его исключили из состава команды, а по возвращении «Цесаревича» в одесский порт списали на берег. Причину Грин впоследствии объяснил так: «Уволили меня за сопротивление учебной шлюпочной гребле; этому бессмысленному занятию предал нас капитан «Цесаревича», пленившийся артистической работой веслами английских моряков»¹⁵.

В августе 1897 года Александр был вынужден вернуться домой в Вятку – нечем было жить. Там он пробыл почти год. Тяжелое материальное положение семьи (на попечении отца находилось уже пятеро детей, включая пасынка Павла и годовалого сына Николая, родившегося в новом браке), напряженные отношения с мачехой заставили Александра поселиться отдельно. Получая небольшую помощь от отца, он всячески пытался найти занятие: служил писцом в одной из местных канцелярий, переписывал роли для театра, иногда участвуя в спектаклях в третьестепенных ролях, недолго посещал железнодорожную школу, где готовили телеграфистов, кондукторов и тому подобное.

Но мечты о море не оставляют юношу. Год спустя Александр Гриневский вновь едет к морю, на этот раз в Баку, надеясь найти счастье на берегах Каспия.

Здесь он сразу окупился в своеобразный южный колорит. Узкие старинные улочки, дышащие тайнами Востока, нефтяные вышки, берег Каспийского моря – всё это выглядело романтично и живописно. Но за внешними красотами скрывалась жесточайшая эксплуатация, нищета, бесправие «людей дна», невозможность вырваться из суровых обстоятельств, и это Александру удалось испытать полной мерой.

Позднее в своей автобиографии Грин писал: «Летом 1898 года я уехал в Баку, где служил на рыбных промыслах, на пароходе «Атрек» (комп. «Надежда»), а больше всего был Максимом Горьким»¹⁶.

Бакинские страницы «Автобиографической повести» с описанием «свинцовых мерзостей жизни» как бы дополняют трилогию Горького. «Жизненные университеты» Грина оказались не легче. Год, проведенный в Баку, – один из самых трудных в судьбе Александра. Вместо «живописного труда плаваний» ему пришлось грузить сваи в порту, счищать краску со старых пароходов, гасить пожары на нефтяных промыслах... Он часто голодал, оставаясь без крова, ночевал в паровозных котлах, под опрокинутыми лодками, иногда просто под открытым небом. Чтобы не умереть с голоду, брался за любую работу.

Затем, измученный приступами малярии и потеряв надежду стать моряком, Александр возвращается домой. С осени 1899 года живет в Вятке, работает в железнодорожных мастерских, чиновником особых поручений, банщиком на станции Мураши неподалеку от Вятки. Работы там было немного, Александр много читал. И вскоре, наверное, не без влияния прочитанных книг, жажда приключений вновь овладела его сердцем.

В феврале 1901 года Александр пешком отправляется на Урал.

«Там я мечтал разыскать клад, найти самородок пуда в полтора – одним словом, я все еще был под влиянием Райдера Хаггарда и Густава Эмара», – с мягкой иронией рассказывал впоследствии Грин¹⁷.

Но реальность предстала перед мечтателем из Вятки в совершенно ином виде.

Позднее, в автобиографическом очерке «Урал», Грин опишет много мрачных и тяжелых картин из жизни золотоискателей, в которой за кажущейся романтикой скрывался нелегкий изнурительный труд, грязь, нищета, пьянство.

И хотя Александру удалось некоторое время поработать на Урале на Шуваловских золотоносных приисках, самородков он так и не нашел. Все попытки устроить собственную судьбу по примеру своих любимых героев успехом не увенчались. И тогда он решил пойти в армию. Этот отчаянный шаг был продиктован стремлением обрести, наконец, устойчивые средства к существованию и выбиться из беспросветной нужды.

Глава III

Солдат, революционер, влюбленный...

Как родилось это непростое решение, Грин рассказал в очерке «Тюремная старина»: «После того как я вернулся с Урала, прошли осень и зима. Я опять не мог никуда устроиться, жил кое-как на деньги отца в тесной, дешевой комнате и плохо соображал о том, как же мне быть. <...> Иногда удавалось переписать роли для театра или больничную смету, но в общем на свои заработки прожить я не мог. <...> Прошло лето, а осенью отец спросил меня: “Саша, что же ты думаешь делать?”».

Что мог сказать я ему? Мне было смертельно жаль старика отца, всю жизнь свою трудовую положившего на нас, детей, и в особенности на меня – первенца, от которого ждали, что он будет инженером, доктором, генералом...

– Я пойду в солдаты»¹⁸.

Пребывание Грина на военной службе, длившееся менее года, – яркий пример его мощного сопротивления обстоятельствам. «Моя служба в армии, – вспоминал впоследствии писатель, – прошла под знаком беспрерывного и неистового бунта против насилия»¹⁹.

Всё вызывало протест: бессмысленная муштра, несправие солдат, жестокость командиров... Едва ли не половину срока своей службы Грин находился в карцере. Завершился этот бунт побегом.

В марте 1902 года Александр Гриневский зачислен рядовым в 213-й Оровайский резервный батальон, стоявший в городе Пензе, а в ноябре того же года «исключен из списка батальона бежавшим».

Побег ему помогают совершить революционеры. Александр впервые встретился с ними во время службы в армии, тогда же стал читать запрещенную литературу, посещать тайные собрания, выполнять поручения.

«Всё, что я знал о жизни, – рассказывал со временем Грин, – повернулось разоблачительно-таинственной стороной; энтузиазм мой был беспределен»²⁰.

По первому слову эсера-вольноопределяющегося (пропаганду в Оровайском батальоне вели эсеры) он взял пачку прокламаций и разбросал их во дворе казармы. А вскоре после побега, снабженный паспортом на имя пензенского мещанина Александра Степановича Григорьева, он уже вел революционную пропаганду в городах средней полосы России. Он выступал в рабочих кружках в Нижнем Новгороде, Саратове, Тамбове.

Из Гриневского даже пытались сделать террориста, для чего он две недели провел «в карантине» в Твери, но вскоре вернулся в Нижний Новгород, так как был признан негодным для террористического акта.

В рассказе «Карантин» Грин устами своего героя Сергея говорит, как укрепилась в нем убеждение о недопустимости террора. Поэтическая русская природа, общение с простой девушкой из народа породили в Сергее сначала сомнение, а потом яростный протест против террористических планов, и он выходит из игры, поняв, что у него, как и у его товарищей, нет права убивать.

Так началось разочарование Гриневского в деятельности эсеров. Однако он пока продолжал работать в эсеровской партии в качестве пропагандиста и осенью 1903 года прибыл с этой целью в Севастополь.

Стояла ясная крымская осень, и город, изрезанный множеством бухт, был особенно прекрасен. В этом красивом романтическом городе Константин Паустовский узнал гриновский Зурбаган. Да и сам Грин признавался, что некоторые оттенки Севастополя вошли в его города: Лисс, Зурбаган, Гель-Гью, Гертон.

Здесь Гринеvский выступал перед солдатами и матросами и проявил себя необычайно одаренным пропагандистом. Он обладал талантом убеждать, способностью говорить о сложных вещах просто, доходчиво, увлекательно.

Участник революционных событий в Севастополе 1903 года Григорий Чеботарев вспоминал, что выступления Гринеvского пользовались особым успехом. В этих выступлениях окреп дар владения словом, который в дальнейшем сделает Грина одним из наиболее оригинальных писателей.

В Севастополе он сотрудничал с местными революционерами. И хотя этот город из-за Черноморского флота представлял для противников режима большой интерес, но описанная Грином организация севастопольских революционеров вызывает улыбку: «Я приехал в Севастополь на пароходе из Одессы. <...> Неподалеку от тюрьмы стояла городская больница. В ней был смотрителем один старик, бывший ссыльный; к нему я пришел со своим паролем, и он отвел меня к фельдшернице Марье Ивановне, а та отвела меня к Киске, жившей на Нахимовском проспекте.

Киска была центром севастопольской организации. Вернее сказать, организация состояла из нее, Марьи Ивановны и местного домашнего учителя, административно-ссыльного.

Учитель был красной, ничего революционного не делал, а только пугал остальных членов организации тем, что при встречах на улице громко возглашал: «Надо бросить бомбу!» или: «Когда же мы перевешаем всех этих мерзавцев?!»²¹.

Все описанные Грином персонажи имели реальных прототипов, но особо следует остановиться на Киске. Под этой партийной кличкой скрывалась Екатерина Александровна Бибергаль. Ей было на тот момент 23 года. «В меру высокая, тоненькая, с легкой походкой, с тонкими чертами лица, с головкой, обрамленной, как ореолом, русыми пышными, волнистыми волосами, с карими, лучистыми глазами, она была обаятельна. Голос нежный, чистый», – так девушку описывают современники²². Очаровательная внешность соединялась в ней с необычайным революционным энтузиазмом, который Екатерина унаследовала от отца, известного народовольца Александра Николаевича Бибергаль. В Севастополь она была сослана под надзор полиции, но это не мешало ей активно участвовать в революционной деятельности и там.

Любовь, вспыхнувшая к ней у Александра Гринеvского, окрашивалась романтическим ореолом опасности, тайны. Часто им приходилось вместе бывать на сходках, вместе выступать перед матросами или солдатами.

Об одном из таких выступлений Грин рассказывал: «Однажды ночью на Артиллерийской слободке состоялось первое мое свидание с рядовым Палицыным, невзрачным рябоватым солдатиком. Через Киску он распространял в казармах революционную литературу. Киска, бывшая тут же, убедил Палицына созвать собрание рядовых, на котором я должен был с ними говорить. <...> Я сказал им так много и с таким увлечением, что впоследствии узнал лестную для меня вещь: оказывается, один солдат после моего ухода бросил с головы на землю фуражку и воскликнул:

– Эх, пропадай родители и жена, пропадай дети! Жизнь отдам!»²³.

И можно не сомневаться, что красноречие Грина подкреплялось не столько революционной убежденностью, сколько его страстным чувством к Бибергаль. Любовь вдохновляла, заставляла пренебрегать опасностью.

А опасность была совсем рядом. Однажды, когда Гринеvский неподалеку от Графской пристани встретился с двумя солдатами, чтобы условиться о месте сходки, к нему подошел городской и предложил пройти в участок. Оказывается, о его пропагандистской работе уже было известно полиции и его разыскивали по городу.

Арест был произведен 11 ноября 1903 года. Для молодого человека с очень свободолюбивой душой, каким был Грин, это стало настоящим потрясением. Даже через десятки лет,

описывая свои чувства, он ощущал пережитое очень остро: «Никогда мне не забыть режущий сердце звук ключа тюремных ворот, их тяжкий, за спиной, стук...»²⁴

Он пытался вырваться на свободу: объявлял голодовку, писал прошения, пытался бежать самостоятельно и с помощью товарищей по партии. В этом деятельное участие принимала Екатерина Бибергаль. Ей удалось достать крупную сумму денег, было куплено парусное судно, на котором Гриневского предполагали переправить в Болгарию. Но побег не удался. После долгого судебного разбирательства, длившегося почти два года, Гриневского признали «весьма важным революционным деятелем». Он был исключен из службы с лишением воинского звания, лишен прав состояния и приговорен к 10-ти годам ссылки в Сибирь. Однако отправить его туда не успели.

Грянула революция, и на основании царского манифеста Гриневский был выпущен из севастопольской тюрьмы. Это произошло 24 октября 1905 года.

Первое время после освобождения Александр воспринимал окружающий мир через призму пережитого: «Свобода, которой я хотел так страстно, несколько дней держала меня в угнетенном состоянии. Все вокруг было как бы неполной, ненастоящей действительностью. Одно время я думал, что начинаю сходить с ума.

Так глубоко вошла в меня тюрьма! Так долго я был болен тюрьмой...»²⁵

Оказавшись на свободе, Гриневский продолжил сотрудничать с революционерами. Так, по заданию организации, он ездил в Одессу за оружием: в Севастополе готовилось восстание на крейсере «Очаков» под предводительством лейтенанта Петра Петровича Шмидта, которое было безжалостно подавлено.

Революционную работу в Севастополе пришлось приостановить, и Гриневский попросил отправить его для пропаганды в Петербург. Ему дали денег и явку. Но, на самом-то деле, его толкали в столицу совсем другие побуждения. Там в это время находилась Екатерина Бибергаль. За два года разлуки чувства Александра не остыли, но для Екатерины на первом месте всегда была преданность идее. Почувствовав, что Гриневский охладел к революционной деятельности, она испытала разочарование, между ними начались нелады. И вот кульминация: Александр делает девушке предложение, а когда она отвечает отказом, стреляет в нее из небольшого револьвера. Рана оказалась не тяжелой, Екатерина вскоре поправилась. Но увидеться с ней наедине и объяснить Александру так и не удалось. Вскоре они расстались навсегда.

Дальнейшая судьба Бибергаль сложилась трагично. В 1908 году она была приговорена к каторге и ссылке за участие в покушении на великого князя Владимира Александровича. Освободившись после Февральской революции, продолжала активную общественно-политическую деятельность. В 1920—1930-е годы была членом Общества политкаторжан. В 1938 году Бибергаль арестовали, и в ссылке она провела практически всю жизнь. В 77-летнем возрасте Екатерину Александровну, больную, с ампутированной после перелома ногой, наконец амнистировали! Умерла Екатерина Бибергаль в 1959 году в Ленинграде, через два года после освобождения.

В заключение хотелось бы привести слова одного из исследователей творчества писателя: «Ее любил Грин, а она любила революцию».

Глава IV

«Я нашел свое место в жизни...»

1906 год начался для Александра Гринецкого с ареста. Он жил на нелегальном положении уже месяц, так как начались новые репрессии против амнистированных. Задержали его 7 января под именем мещанина Николая Иванова Мальцева. Во время обыска при нем и на квартире ничего предосудительного не нашли, но по агентурным сведениям было известно, что Гринецкий входил в состав организации социалистов-революционеров. И хотя детальных сведений о его революционной деятельности в Петербурге не имелось, но полиция считала, что он играл среди своих единомышленников важную роль.

Гринецкого заключили в петербургскую одиночную тюрьму «Кресты», где он содержался до весны. Именно в стенах тюрьмы и произошла судьбоносная встреча Александра Гринецкого с девушкой, которая станет его добрым ангелом на всю жизнь.

Вера Абрамова родилась в Петербурге в 1882 году в семье чиновника государственного контроля, действительного статского советника, Павла Егоровича Абрамова. Мать умерла рано, и воспитанием девочки занимались отец и бабушка.

Вера Абрамова получила прекрасное образование. Окончив с золотой медалью Петербургскую женскую гимназию, поступила на физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, которое закончила в 1902 году по разделу химии, затем сразу же поступила в Женский медицинский институт, где проучилась только два года. Под влиянием революционных настроений, охвативших Россию, девушка увлеклась общественной деятельностью: преподавала в Смоленских классах для рабочих, работала в подпольной организации «Красный крест», благодаря чему и познакомилась с Александром Гринецким.

Ему было двадцать шесть, ей – двадцать четыре. Он успел пройти множество испытаний, немало увидел и пережил. Она жила в спокойном и светлом мире семьи и, лишь занявшись общественной работой, включилась в бурную и стремительную жизнь страны. Судьба и время соединили их, и это стало важнейшим событием в их биографии.

Вера Павловна вспоминала: «Мое знакомство с Александром Степановичем началось весной 1906 года. Я работала тогда в подпольной организации «Красный крест». Как известно, это общество помогало политическим заключенным и ссыльным, без различия партий, начиная с кадетов и кончая анархистами. <...> В «Кресте» тогда работали многие общественные деятели: знаменитые адвокаты, защищавшие политических, писатели, издатели и их жены. Мы, молодые члены организации – курсистки, студентки, учительницы, – должны были обслуживать заключенных в тюрьмах. Закупали на деньги «Креста» большое количество продуктов, белье, верхнее платье, иногда сапоги и теплые вещи и передавали все это или в общие камеры на имя старост, или же сидевшим в одиночках. Иногда надо было ездить к семьям высланных или безработных, так как многие из них жестоко нуждались. Нередко на дом приходили рабочие, уволенные с заводов за участие в стачке или бежавшие из ссылки. Приходилось участвовать в организации концертов, которые устраивались для сбора денег. Клиентура «Креста» была очень большая, и денег требовалось много. Общение с людьми было широкое и дружеское, и дело это мне очень нравилось.

Кроме перечисленных обязанностей, у меня была еще одна: я должна была называть себя «невестой» тех заключенных, у которых не было ни родных, ни знакомых в Петербурге. Такое звание давало мне право ходить к ним на свидания, и таким образом поддерживать их и вообще о них заботиться: передавать провизию, книги, исполнять их поручения. <...>

Мои отношения с Александром Степановичем начались так же, как они обычно начинались и с другими «женихами». Ко мне на квартиру пришла незнакомая девушка и сказала, что

ее сводный брат, А. С. Гриневский, сидит с января 1906 года в «Крестах». До сих пор она, Наталья Степановна, сама ходила к нему на свидания и делала передачи, но в мае ей придется уехать <...>, и она просит меня заменить ее. <...>

Я начала хлопотать о разрешении мне свидания с Александром Степановичем, а он – писать мне. Его письма резко отличались от писем других «женихов» и не-женихов, писавших мне из тюрем. Почти все жаловались... Но Гриневский писал бодро и осторожно. Письма его меня очень интересовали.

В мае выяснилась судьба Александра Степановича. Его приговорили к ссылке в Тобольскую губернию и перевели в пересыльную тюрьму. Наталья Степановна была еще в Петербурге и потому, когда я получила разрешение на свидание, мы пошли с ней в тюрьму вместе. Это свидание с незнакомым человеком, на днях отправляющимся в далекую ссылку, было для меня очередным делом. Я от него ничего не ожидала. Думала, что этим свиданием окончатся наши отношения с Гриневским, как они кончались с другими «женихами». Однако оно кончилось совсем по-иному и для меня значительно. <...>

Александр Степанович вышел к нам в потертой пиджачной тройке и синей косоворотке. И этот костюм, и лицо его заставили меня подумать, что он – интеллигент из рабочих. Разговор не был оживленным. Александр Степанович и не старался оживить его, а больше присматривался.

«Сначала ты мне совсем не понравилась, – рассказывал он впоследствии, – но к концу свидания стала как родная».

Дали звонок расходиться. И тут, когда я подала Александру Степановичу руку на прощание, он притянул меня к себе и крепко поцеловал. До тех пор никто из мужчин, кроме отца и дяди, меня не целовал; поцелуй Гриневского был огромной дерзостью, но, вместе с тем, и ошеломляющей новостью, событием»²⁶.

Они расстались, и через две недели Вера Абрамова прочитала в письме Гриневского волнующие строки: «Я хочу, чтобы вы стали для меня всем: матерью, сестрой и женой».

Дальнейшие события развивались стремительно. Вскоре Гриневского отправили на 4 года в ссылку в г. Туринск Тобольской губернии. Прибыл он туда в начале июня, а через два дня бежал. С помощью эсеров добрался до Москвы и попросил направить его работать пропагандистом в Петербург. Ему отказали, хотя пропагандист он был талантливый. Гриневского называли «гасконцем», так как он любил прибавлять к фактам небылицы, а в деле пропаганды и подпольной печати это было опасно. Но ему сказали, что партия нуждается в агитке для распространения в войсках. Гриневский ответил: «Я вам напишу!».

А задолго до этого, когда он только начинал свой путь в революцию и ему поручали написать прокламацию, то он всегда стремился придать ей необычайную для такой литературы беллетризованную форму.

Однажды товарищ по революционной работе Наум Быховский, прочитав прокламацию, составленную Грином, заметил: «А знаешь, Гриневский, из тебя мог бы получиться писатель!».

Действие этих слов имело удивительную силу.

«Это было, – рассказывал Грин, – как откровение, как первая, шквалом налетевшая любовь. Я затрепетал от этих слов, поняв, что это то единственное, что сделало бы меня счастливым... Зерно пало в душу и стало расти. Я нашел свое место в жизни»²⁷.

Рассказ-агитка, написанный Грином и подписанный инициалами «А. С. Г.», назывался «Заслуга рядового Пантелеева». В нем говорилось о судьбе солдата, бывшего крестьянина, который проявил неуправляемое рвение при подавлении крестьянского бунта.

Еще в типографии весь тираж рассказа был конфискован. В докладе цензора говорилось: «В рассказе «Заслуга рядового Пантелеева» изображается экспедиция военного отряда для укрощения крестьян, учинивших разгром помещичьей усадьбы. <...> Находя, что названный рассказ имеет целью: возбудить в читателях враждебное отношение к войску, побудить войска

к неповиновению при усмирении бунта и беспорядков, я полагаю нужным брошюру задержать, а против автора возбудить судебное преследование»²⁸. Спасло его от нового ареста то, что никто из работников типографии не назвал настоящего имени автора.

В начале июля Гриневский поспешил в Петербург, ему не терпелось встретиться с Абрамовой.

Вера Павловна рассказывала: «Как-то в жаркий день, набегавшись по городу, я поднималась по всегда безлюдной нашей парадной. Завернув на последний марш, я с изумлением увидела: на площадке четвертого этажа, у самых наших дверей, сидит Гриневский! Худой, очень загорелый и веселый.

Вошли в квартиру, пили чай и что-то ели. Александр Степанович рассказал: «...» паспорт у него фальшивый, нет ни денег, ни знакомств, ни заработка. Выходило, что одна из причин этого рискованного бегства – я. Это налагало на меня моральные обязательства. Слушая его рассказ, я думала: “Вот и определилась моя судьба: она связана с жизнью этого человека. Разве можно оставить его теперь без поддержки? Ведь из-за меня он сделался нелегальным”»²⁹.

Гриневский снял комнату и прожил в Петербурге с месяц. Но паспорт, которым его снабдили эсеры, казался ненадежным. Опасаясь ареста, Александр уехал в Вятку к отцу.

Через несколько лет разлуки он наконец встретился с родными. Сестра Екатерина вспоминала: «Ярко встала в памяти наша встреча и прогулка в Загородный сад, в Вятке, где ты угощал меня лимонадом, а досужая молва разнесла на другой день, по городу, что “вот-де Катя Гриневская кутит по загородным ресторанам”, а мне несчастной и реабилитировать то себя нельзя было, не выдав тебя»³⁰.

Отец дал Александру паспорт умершего личного почетного гражданина Алексея Мальгинова, под именем которого ему предстояло прожить несколько лет.

Глава V

Открытие «Гринландии»

Отныне основным занятием Александра Гриневского стала литература. По возвращении в Петербург он написал еще один рассказ из солдатской жизни под названием «Слон и Моська» для издательства «Свободная пресса». Но на него был наложен арест, и, так же как и первый, он до читателей не дошел. Отдельные экземпляры этих произведений были обнаружены в архивах много лет спустя после смерти Грина.

Сам же писатель началом своей литературной деятельности считал декабрь 1906 года, когда в газете «Биржевые ведомости» за подписью «А. А. М-в» напечатали рассказ «В Италию». Это трогательная история о революционере, который, прячась от полиции в чужом дворе, встречается там с маленькой девочкой, которая принимает его за своего дядю. Они беседуют, он обещает малышке повезти ее на настоящем поезде в Италию... В это время во двор заходит полиция в поисках беглеца, и девочка сообщает, что находящийся рядом с ней человек – это ее дядя Сережа, который недавно приехал. Полицейские ушли ни с чем, а революционеру удалось скрыться.

Рассказ «В Италию» написан легким динамичным слогом, в нем звучат уже подлинные гриновские интонации. Следом появились другие рассказы – «Кирпич и музыка», «Марат», «Случай», впервые подписанный псевдонимом «А. С. Грин».

О том, как родился этот псевдоним, рассказала Вера Павловна: «Первый рассказ «В Италию» <...> был подписан «А. А. М-в». Но такая подпись не удовлетворяла Александра Степановича. Ведь Мальгинов – это была чужая, временная фамилия. Надо было придумать псевдоним. Толковали целый вечер и остановились на «А. С. Грин». Сначала этот псевдоним нравился Александру Степановичу, но потом он испытал в нем разочарование. Оказалось, что изданы несколько переводных романов англичанки Грин, и первые годы, когда Александра Степановича еще мало знали, его путали с этой писательницей. Не помню, какие у нее были инициалы, но иные, чем у него. Чтобы подчеркнуть эту разницу, Александр Степанович представлялся: «А. эС. Грин», чем, вероятно, вызывал немалое удивление»³¹.

Вера Павловна поведала и о том, как было придумано заглавие для первой книги рассказов Грина «Шапка-невидимка», которая вышла в 1908 году: «Конечно, сборник можно было бы назвать по заглавию одного из рассказов, в него входивших, но Александр Степанович этого не захотел. Тогда я предложила: «Ты – таинственная личность. Как автор – ты А. С. Грин, по паспорту Алексей Мальгинов, а на самом деле Александр Гриневский. Даже я не рискую называть тебя Сашей, а зову вымышленным именем. Сама я тоже должна скрываться, вот и посвящение твое «Другу моему Вере», а не жене. Оба мы как будто под шапкой-невидимкой. Назовем так книгу»³².

Грин согласился с таким названием, потому что оно соответствовало содержанию книги. Большинство рассказов в сборнике посвящено нелегалам. Их достаточно противоречивые образы отразили разочарование писателя в деятельности эсеровской организации. Он не принял пустозвонного краснобайства ее лидеров, крикливых лозунгов, тактики индивидуального террора. Всё это проявилось в «Шапке-невидимке».

Книга писателя не удовлетворила. Грин продолжал искать свой путь, свою дорогу в литературе. Определенным этапом в этих поисках явились рассказы «Она», «Воздушный корабль» как предверье будущего романтизма... Но подлинно «гриновским» произведением стал «Остров Рено» – первый рассказ Александра Грина, действие которого происходит в вымышленной стране, с географическими названиями, «не похожими ни на какие». Эту придуманную страну критик Корнелий Зелинский впоследствии остроумно назовет «Гринландией».

Приключенческий сюжет рассказа и экзотическое место действия – маленький тропический остров – не помешали наиболее проницательным читателям и критикам найти в нем созвучие с реальной общественной жизнью России 1900-х годов.

В статье «Литературные силуэты» критик Лев Войтоловский писал об «Острове Рено»: «Может быть, этот воздух не совсем тропический, но это новый особый воздух, которым дышит вся современность – тревожная, душная, напряженная и бессильная»³³.

Романтизм Грина оказался созвучен своему времени. Вместе с рассказами Горького, стихами Блока романтическое творчество Грина пробуждало в человеке веру в собственные силы, желание борьбы и победы. В той же статье «Литературные силуэты» было дано определение гриновского романтизма: «Романтика романтике рознь. И декадентов называют романтиками. <...> У Грина романтизм другого сорта. Он сродни романтизму Горького. <...> Он дышит верой в жизнь, жаждой здоровых и сильных ощущений»³⁴.

Романтизм оказался наиболее близок творческому дарованию Грина, его мироощущению. И хотя после «Острова Рено» у Грина были и реалистические произведения, именно в романтическом творчестве он обрел свой собственный художественный почерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.